

ПО СТРАНАМ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

ОТ ЭЛЬБЫ ДО РЕЙНА

Игорь МОИСЕЕВ,
народный артист СССР

ТОЛЬКО что закончившийся 1960 год был для нас до некоторой степени «юбилейным» — прошло пятнадцать лет после первого выезда ансамбля за рубежи родной страны. За это время мы побывали во многих государствах Европы (в некоторых — по два и три раза), выступали в Китае, странах африканского континента, в Соединенных Штатах Америки, представляли советское искусство на Всемирной выставке в Брюсселе... Побывав в двадцати пяти странах мира, казалось бы, уже можно было привыкнуть и к необычным условиям, в которых приходилось подчас выступать, и к длительным переездам, и к тому ощущению тревоги, которое всегда испытываешь (а за границей особенно!) перед первой встречей с незнакомыми зрителями...

И все же мы очень волновались, когда поздней ночью спидометры автомашин считали последние метры берлинской аллеи Унтер ден Линден и мы оказались на территории Западного Берлина. Непривычно близко поднялась перед глазами громада Бранденбургских ворот, издали они кажутся менее торжественными и монументальными; справа проступили знакомые по многим фотографиям контуры рейхстага, столь памятного нам по майским дням 1945 года... Впереди, в темном сумраке ночи, лежала Западная Германия — страна, которая, по откровенному признанию одной из боннских газет, «старается туга закрыть двери от советского влияния».

Приезд советского ансамбля в ФРГ далеко не всеми газетами был встречен дружелюбно. В один и тот же день несколько газет, словно по команде, опубликовали статью боннского журналиста Гуго Грюссена под названием «Моисеевский ансамбль». Отметив, что «сейчас самое время прекратить сомнительный культурный обмен с Советами», автор прямо призывал «бравых боннских граждан не проявлять слишком большого интереса к, несомненно, довольно хорошему балету из Москвы».

Наши волнения усугублялись еще и тем, что организация гастролей в некоторых городах ФРГ оставляла желать много лучшего. Я не говорю уже о том, что маршрут поездки был составлен таким образом, что артистам приходилось нередко после утомительной двенадцатичасовой поездки на автобусах сразу же выходить на сцену, — это еще полбеды. Хуже было то, что ансамблю приходилось иногда выступать на совершенно не приспособленных для концертов велодромах и в спортивных залах, где не было ни занавеса, ни кулис, ни достаточного света. Но все это, по признанию печати ФРГ, не снижало художественного уровня выступлений. Характерно, что даже сами немцы высказывали подчас недоумение по поводу того, что советские артисты лишены возможности выступать на лучших площадках Западной Германии. Так, представители крупной телевизионной компании «Бавария», стремящейся, кстати, установить постоянные творческие связи с ансамблем и другими деятелями советского искусства, выражали искреннее сожаление по поводу неполадок в организации наших гастролей.

ИТАК, первый концерт в огромном спортивном зале Гамбурга... Вопреки всем тревогам и опасениям, он прошел очень хорошо: каждый номер вызывал шквал аплодисментов. После концерта зрители бро-

мании, Швейцарии, Голландии (в этих странах ансамбль был впервые) и Австрии.

На обратном пути по просьбе польских друзей ансамбль дал несколько концертов в Варшаве.

В этом номере мы начинаем публиковать путевые заметки руководителя ансамбля, народного артиста СССР Игоря Моисеева, написанные для газеты «Советская культура».

сились к эстраде (она возвышалась над полом приблизительно на полтора метра) и принялись ладонями барабанить по доскам сцены. Шум стоял несусветный, артистов вызывали более двадцати раз.

Чтобы не повторяться впредь, скажу сразу: за всю поездку по стране не было концерта, который прошел бы менее успешно, чем наше первое выступление. За исключением одного — в Бонне... Вообще этот маленький городок на Рейне производит странное впечатление: весь он какой-то чопорный и скучный.

Так вот, на концерте в Бонне в зале были свободные места: половина приглашенных предпела в этот вечер остаться дома. А те, кто пришел, аплодировали весьма осторожно, неслышно, едва сближая пальцы рук. Где-то в душе можно понять чрезмерную сдержанность боннских чиновников: очевидно, сегодня в столице Западной Германии отнюдь не безопасно проявлять интерес к советским артистам.

Но так, повторяю, было только в Бонне. Я помню, как в том же Гамбурге после одного из концертов на сцену поднялся пожилой человек и стал взволнованно благодарить артистов «за волшебное искусство». Зал поддержал его громовой овацией. Наша переводчица спросила этого человека:

— Кто вы?

Надо было видеть, как он сразу насторожился, взъерошился, изменился в лице:

— А вам зачем знать? Я публика!

И только узнав, что с ним разговаривает советская переводчица, он рассказал, что работает инженером-химиком и что не мог удержаться сегодня, чтобы не высказать своего искреннего восхищения советским искусством.

Когда на следующий день мы давали концерт в этом же зале, эстрада была оцеплена полицейскими. И так, кстати, было не раз. Хорошо по этому поводу иронизировала мюнхенская газета «Зюддойче цайтунг». «После того, — писал корреспондент, — как улеглись штормы ликования в высшей степени увлеченной и оживленной публики, при выходе можно было обнаружить в одной из боковых комнат Немецкого музея (здесь проходили наши концерты. — И. М.) залегшую в засаде сотню полиции. Кто и что могло вызвать ее сюда, на место столь непринужденно захватывающего удовольствия?!

Вообще следует заметить, что большинство западногерманских газет вполне объективно и притом очень широко, под броскими заголовками и «шапками» писало о гастролях ансамбля. В этой связи вспоминается достойная отповедь, которая прозвучала на страницах западногерманской печати в адрес газеты «Райнише пост» — рупора правой партии ФРГ. Эту газету, видите ли, возмутило, что в нашем украинском танце, рассказывающем о судьбе двух влюбленных во время войны, отражена, по словам буклета, «скорбь всего украинского народа, который отстаивал свою родину от гитлеровского фашизма». «Мы не должны позволять, — разразилось в своих комментариях «Райнише пост», — отплясывать такое у себя под носом»...

В острой, полемической форме ответила ей дюссельдорфская газета «Дойче фольксцайтунг». Автор статьи под ироническим названием «Чувствительность» резонно замечает: «Разве Гитлер не нападал на Советский Союз? Разве украинский народ не оборонялся против фашизма? Разве украинцы не испытывали из-за нас страдания и скорбь? — спрашиваешь себя с недоумением. Вместо того, чтобы преодолеть недавнее прошлое, его

хотят замалчивать; вместо того, чтобы извлечь из него уроки, хотят действовать в прежнем духе!».

Трудно что-либо добавить к этим справедливым, бьющим не в бровь, а в глаз словам! Верится, что так думает не только корреспондент дюссельдорфской газеты, но и многие сотни и тысячи немцев, которые столь радушно и тепло приветствовали советский ансамбль.

НЕСМОТРЯ на чрезвычайно уплотненный график наших гастролей, мы использовали каждый свободный час, чтобы бывать в музеях, знакомиться с историческими и культурными достопримечательностями страны.

Их много, и о всех не расскажешь в коротком газетном очерке. Но если говорить о самом интересном и значительном, что произвело наибольшее впечатление, — это, конечно, Мюнхенская картинная галерея и старинный собор в Кельне.

Для любителя живописи посещение мюнхенской «Пинакотекы» — большой и радостный праздник. По богатству и многообразию своих собраний она приближается к таким крупнейшим художественным музеям, как Лувр, Эрмитаж, Британский музей, Ватикан.

В мюнхенских коллекциях присутствуют крупнейшие художники мира (за исключением русских), и притом не в случайных, не во второстепенных образцах. Великий Боттичелли, столь редкий за пределами Италии, представлен здесь изумительной картиной «Положение во гроб». В музее более ста полотен Рубенса — такого собрания не имеет и Бельгия, родина художника. Дюрер, Лука Кранах, Гольбейн и Ганс Бальдунг Грин, Рембрандт и Ван-Дейк, Тициан и Тьеполо — даже далеко не полный перечень лучших мастеров, представленных в мюнхенской «Пинакотекке», позволяет судить о ее бесценных сокровищах. Жаль только, что искусствоведческая литература в Западной Германии стоит непомерно дорого. Так, например, цена альбома репродукций Мюнхенского музея равна стоимости трех пар хорошей обуви.

По дороге в Бонн мы сделали специальную остановку в Кельне, чтобы взглянуть на знаменитый собор. Он предстал перед нами как великолепное создание человеческого гения, стремящегося преодолеть весомость материи. Кельнский собор строился долго — свыше шестисот лет, за это время сменилось много поколений архитекторов, но грандиозное здание и сегодня восхищает удивительной гармоничностью своих пропорций. Когда стоишь у его подножия, впечатление такое, будто перед тобой — самый высокий готический собор в мире, хотя известно, что шпиль Ульмского собора достигает еще большей высоты.

В заключение мне хотелось бы вспомнить о старинных часах, которые мы видели в соборе города Мюнстера. В полдень часы «разыгрывают» символическое представление: костлявая Смерть замахивается косой, словно пытаясь остановить время, повернуть его вспять, но появляется Жизнь, и куранты бьют двенадцать ударов — время идет своим чередом!

Эта наивная символика, сотворенная искусными руками древнего мастера, не так уж безнадежно устарела в наши дни... Есть, как известно, и сегодня силы, которые хотели бы повернуть время вспять, вновь ввергнуть мир в пиришествие безумия и смерти. Но жизнь побеждает не только в диковинных часах Мюнстерского собора, она победит всюду.